

Царь Алексей Михайлович и его правление.

Война Владимир

Царь Алексей Михайлович и его правление.

https://litres.ru/74704813
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга описывает ключевые события «бунташного века», включая влияние боярина Б. И. Морозова, быт при дворе «тишайшего» царя, Соборное уложение 1649 года, войны с Польшей и Швецией, восстание Степана Разина и деятельность А. Л. Ордина-Нащокина.

Текст дополнен заключением, в котором отражен современный научный взгляд: Соборное уложение признается фундаментом российского права, эпоха характеризуется как переход к абсолютизму, а также отвергаются упрощенные оценки исторических событий.

Книга предназначена для широкого круга читателей и учебных курсов по истории России.

Царь Алексей Михайлович и его правление.

Глава I. Вступление на престол Алексея Михайловича. Боярин Морозов. Женитьба царя

В третьем часу ночи на 13 июля 1645 года три удара в колокол Успенского собора возвестили жителям Москвы о кончине царя Михаила Феодоровича — первого государя из династии Романовых — и одновременно о вступлении на престол его сына, «тишайшего царя» Алексея.

Алексей Михайлович, как и его отец, начал царствовать шестнадцатилетним юношей. Он воспитывался под руководством боярина Бориса Ивановича Морозова, который был спальником у царя Михаила Феодоровича и, следовательно, одним из самых близких и доверенных к царю лиц — на эту очень важную по тому времени должность назначались только особо приближённые. Морозов был приставлен к царевичу Алексею «дядькой», когда тому было ещё три года. При смерти Михаил Феодорович, благословляя сына на царство, поручил заботиться о нём Морозову: «Тебе, боярину нашему, приказываю сына, — сказал умирающий царь, — и со слезами говорю: как нам ты служил и работал с великим веселием и радостию, оставя дом, имение и покой, пёкся о его здоровьи и научении страху Божию и всякой премудрости,

жил в нашем доме безотступно в терпении и беспокойстве тринадцать лет и соблюл его, как зеницу ока, — так и теперь служи».

Морозов был человек очень образованный и умный по своему времени, и Михаил Феодорович не ошибся в выборе воспитателя для наследника престола: трудно было найти кого-нибудь более подходящего для этого важного дела. Алексей Михайлович с раннего детства был очень привязан к своему «дядьке» и сохранил эту привязанность, когда сделался царём. Морозов имел большое влияние на молодого царя, а вместе с тем приобретал большую силу в государстве. Ни одно важное дело не проходило мимо него. Но, почуяв власть в своих руках, Борис Иванович захотел сделаться всесильным человеком и безраздельно управлять государством. Произошло то, что было и прежде и после при московских государях: любимец царя сделался грозным временщиком, каким был, например, Борис Годунов при Феодоре Иоанновиче, Салтыковы — при Михаиле Феодоровиче. Он старался отвлекать внимание царя от дел, занимать его разными забавами, охотой на медведей, волков, соколиной охотой, которую царь очень любил. Дела же предоставлялось решать Морозову. Соперников у него не было. Никто не решался тягаться из-за власти с боярином, которого царь любил и которому верил, как своему отцу.

Но опасность надвигалась для Морозова с другой стороны. Через полтора года по вступлении на престол Алексей

Михайлович задумал жениться. По установившемуся обычаю, царь выбирал себе невесту из самых красивых девиц, собиравшихся на царские смотрины в Москву со всей Руси. Этот обычай был введён при Иоанне III, который женил таким образом своего сына Василия Ивановича. С усилением власти московских князей, когда они стали называться «царями всея Руси», они хотели жениться не иначе, как на дочерях иностранных царей и королей. Так, Иоанн III женился на дочери византийского императора Софье Палеолог. Но иностранным государям не представлялось заманчивым отдавать своих дочерей замуж за московских князей, потому что Россия казалась им тогда страной дикой и невежественной, а русские люди — грубыми дикарями. Мешала и разница в религии. В Москве требовали, чтобы иностранные принцессы переходили в православие, а те не соглашались менять веру.

Не хотели московские государи жениться и на дочерях своих родовитых бояр. Как бы ни был знаменит боярин, всё же он был и назывался только «холопом», «рабом» великого государя, и поэтому последнему было унизительно, «зазорно» жениться на его дочери. По этой причине и придумали такой выход, что царь выбирал себе невесту всенародно, причём уже не обращали внимания на то, знатного рода была невеста или дочь какого-нибудь мелкого служилого человека. Такой обычай выбора царской невесты из всего служилого сословия, конечно, ещё больше возвышал московского

государя в глазах народа, потому что правом одного только государя было всенародно выбирать себе невесту.

Царь посылал по всем городам грамоту, в которой приказывал боярам, дворянам и всем служилым чинам привозить своих дочерей в город. По городам посылались доверенные ближние государевы люди, которые выбирали «ростом, красотой и разумом исполненных» девиц, записывали их в особую роспись и приказывали везти их в Москву. Так, для Василия Ивановича было привезено в Москву 1500 девиц, а для Ивана Грозного — 2000. В Москве их снова смотрели самые близкие к государю люди и, наконец, этих избранных из избранных представляли государю. Боярышни, одетые в дорогие платья и уборы, поочерёдно подходили к царю и кланялись ему в ноги. Той, которой царь отдавал предпочтение, он подавал ширинку (платок) и кольцо, и она нарекалась царской невестой.

С этого времени её брали в царские хоромы и отдавали на руки ближним боярыням и постельничьим, чтобы они берегли и ходили за ней до свадьбы. Дворец начинал готовиться к свадебному пиру: шили наряды, убирались царские покои, готовилось угощение. Невесту нарекали царевной и при этом давали ей новое царское имя. Ей оказывали царские почести и «целовали крест», то есть, по-нашему, давали присягу.

В города посылались указы, чтобы за царскую невесту молились в церквах и поминали её имя на ектениях после имени царя.

Можно себе представить всю радость и счастье девушки, попадавшей часто из самого незнатного происхождения на царский престол, которой прежде, может быть, и во сне не снилось, что она будет царицей. Известно, что отец первой супруги царя Алексея Михайловича, Марьи Ильиничны, Илья Данилович Милославский происходил из бедного дворянского рода и служил у одного посольского дьяка, а о ней рассказывали, что, будучи девушкой, она хаживала в лес по грибы и продавала их на рынке.

О Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра Великого, дьяк Шакловитый, предлагавший погубить её царевне Софье, говорил:

— Известно тебе, государыня, каков её род и какова в Смоленске была: в лаптях ходила!

Но среди радости и ликования наречённая царица и не подозревала, какая опасность ей угрожает, и не думала, что её жизнь и счастье висят на волоске. Дело в том, что царская невеста, делаясь царицей, выдвигала вместе с собой своих родных и весь свой род. Её отец становился царским тестем, братья — царскими шурьями. Им давались боярские чины, воеводства с вотчинами или приближённые должности во дворце. Вообще они делались близкими людьми к царю и получали скоро силу и власть. Но понятно и то, что у них появлялась масса завистников и соперников, которые сами мечтали, может быть, прежде занять их место. В особенности недоброжелательно встречали этих новых пришельцев

во дворце прежние любимцы царя, которые опасались потерять близость к царю и влияние на него, боялись, что их оттеснят от тёплого насиженного места. Поэтому они старались или направить выбор царя по своему желанию, чтобы он взял невесту из рода их единомышленников или людей, обязанных им чем-нибудь, — одним словом, людей им сподручных. Но если царь выбирал себе невесту не по их вкусу, то против неё тайно начиналась целая облава. Царю старались наговаривать, что невеста страдает каким-нибудь тайным пороком — болезнью, что она одержима падучей, что она «к царской радости не прочна». Были и такие случаи, когда царскую невесту нарочно «портили», опаивали каким-нибудь зельем, так что она в самом деле начинала хворать. Тогда несчастную боярышню, которую уже все называли царевной, постигала опала: её сводили с царских хором и отправляли или в ссылку в Сибирь, или заточали в монастырь. Такая же кара постигала и её отца, которого иной раз подвергали даже пытке «за измену», за то, что он представил царю больную невесту.

Такая печальная история случилась и с первой невестой Алексея Михайловича. Из 200 девиц, свезённых в Москву на царские смотрины, были представлены на выбор самому царю 6 красавиц. Он остановился на дочери незнатного касимовского помещика Всеволожского, Евфимии Феодоровне, и вручил ей ширинку и кольцо.

Боярышня была взята в царский терем, одета в царское

платье; царь ближе познакомился с ней и полюбил её. Но выдвигать род Всеволожских и приближать их к дворцу не входило в расчёты боярина Морозова: он боялся в них соперников себе.

И вот однажды, когда Евфимию Феодоровну представляли государю в царском наряде, приближённые боярыни так крепко затянули ей волосы под венцом, что она упала в обморок перед царём. Тотчас же царю наговорили, что она подвержена падучей болезни, и, как ни любил её царь, он не решился жениться на «порченой». По настоянию Морозова, семья Всеволожских была сослана в Тюмень.

Алексей Михайлович был очень опечален неудачным сватовством и не хотел жениться после этого события в продолжение года. У Морозова был свой план женить государя так, чтобы не только удержаться у власти, но даже усилить её, если можно.

У него был сподручный человек — Илья Данилович Милославский, московский дворянин. Он часто бывал у Морозова, исполнял разные его поручения и пользовался за это большой милостью. У Милославского были две дочери-красавицы. На одной из них и думал хитрый боярин женить царя, а на другой жениться самому и попасть в царскую родню. Таким образом Морозов тонко рассчитал, что он родством скрепит дружбу с царём, а вместе с тем царский тесть будет обязан ему своим возвышением и будет действовать заодно с ним. Да и дочери Милославского были молоды и хороши со-

бой, так что и с этой стороны боярин ничего не проигрывал, хотя ему самому было уже под пятьдесят лет и он был вдов.

Воспользовавшись одним удобным случаем, Морозов намекнул царю о дочери Милославского. Раз царь увидал боярышень в Успенском соборе; одна из них ему понравилась. Царь приказал пригласить их к своим сёстрам в царский терем. Увидевши ближе, Алексей Михайлович решил жениться на Марье Ильиничне. С приготовлениями к свадьбе на этот раз поторопились; были приняты все меры к тому, чтобы не допустить порчи или колдовства. Всё обошлось благополучно, и Милославская сделалась царицей. Алексей Михайлович жил с ней очень счастливо; от Марьи Ильиничны было несколько дочерей, между прочим царевна Софья, и два сына — Феодор и Иоанн.

План Морозова таким образом блестяще удался. Сам он был посажёным отцом на царской свадьбе, а через десять дней и он женился на другой сестре — Анне Милославской. Всё, казалось, складывалось к его благополучию. Но будущее показало, что и его положение было непрочно. Через три года после вступления на престол Алексея Михайловича Морозов должен был отказаться от власти. Какие обстоятельства заставили его сделать это, мы увидим ниже.

Глава II. Характер царя Алексея. Жизнь во дворце в половине XVII столетия

Недаром Алексей Михайлович получил название «тишайшего». Это был человек мягкий, ласковый, добродушный в

высшей степени, что особенно бросалось в глаза в то время, когда русские люди отличались грубостью нравов и когда целый ряд предшествовавших царствований приучил народ относиться со страхом и раболепством к московскому царю. О добром и ласковом Алексее Михайловиче с одинаковой похвалой отзываются как русские люди — его современники, так и иностранцы.

Вот как, например, один из них описывает наружность и характер Алексея Михайловича: «Наружность царя красива; он здоров сложением; волосы его светлорусые; он не бреет бороды, высок ростом и толст; его осанка величественна». «Он имеет глаза голубые, поступь величавую; на лице его выражается строгость вместе с милостью, взглядом внушает каждому надежду и никогда не возбуждает страха. Нрав его истинно царский: он всегда важен, великодушен, милостив, благочестив… Алексей Михайлович такой государь, какого желают иметь все христианские народы, но немногие имеют».

Милосердие к ближним было отличительной чертой царя; оно направлялось главным образом на людей обездоленных, убогих, «нищую братию». Почти каждый день на царском дворе раздавалась от царя щедрая милостыня. Мало того, в праздники часто давались «кормы» — обеды для нищих в палатах самого царя, и он собственноручно угощал их и оделял деньгами; а накануне таких великих праздников, как Рождество, Пасха, или по случаю какого-нибудь важного

события в жизни царской семьи, Алексей Михайлович обходил в ночное время московские тюрьмы, освобождал заключённых и раздавал милостыню.

Впрочем, в половине XVII века нищим в Москве жилось вообще лучше, чем теперь; благочестие русских людей того времени выражалось по преимуществу в призрении нищих и убогих; они пользовались большим почётом и уважением, в особенности те из них, которые назывались странниками. Последние были любимыми гостями в домах бояр; москвичи любили послушать их рассказы о путешествиях ко святым местам, о чужих краях и проч. Такие странники принимались даже в царском дворце, где в долгие зимние вечера сам царь и члены его семьи с удовольствием слушали занимательные рассказы. Поэтому в милостивом обращении царя к меньшей братии не было чего-нибудь очень удивительного по тому времени. Но Алексей Михайлович отличался обходительностью в обращении со всеми окружавшими его, так что вызывал всеобщее удивление: «Истинно достойно удивления то, — пишет его современник, — что, облечённый неограниченною властью над народом, привыкшим повиноваться воле своего владетеля и всяким действиям оной, царь сей никогда не позволял себе оскорблять кого-либо из своих подданных как лично, так и в имуществе или чести их». К ближним людям он относился с дружественным, родственным участием; такие черты доброго, снисходительного отношения отразились в письмах царя к некоторым вельмо-

жам, например к князю Одоевскому, к Ордину-Нащокину. Первому он пишет по случаю смерти сына и утешает его в этой потере; а второму — по случаю побега его родного сына за границу, в Польшу.

Сын Ордина-Нащокина увлёкся заграничными обычаями и образом жизни и не захотел жить дома. Такой побег мог бы возбудить сильный гнев и навлечь опалу царя; Алексей же Михайлович, напротив, старается успокоить отца, подать ему надежду, что сын его возвратится.

Тем более царь не позволял жестокого обращения с людьми ни себе, ни другим. Рассказывают про него такой случай: однажды грузинский князь, проживавший в Москве при дворе Алексея Михайловича, за какую-то вину приказал обрезать нос и уши своим людям; когда это известие дошло до царя, то он послал сказать князю, что «если он и впредь намерен поступать так же, то может отправляться в свою Грузию или куда ему угодно, а в Москве таких жестокостей не терпят». Когда один иностранец предложил царю наказывать смертью всякого, кто на войне оставит его знамёна, то царь отвечал ему, что «это было бы жестоко: Бог не всем даровал равную храбрость». Воеводам, отправлявшимся в битву, царь наказывал, чтобы они «берегли» людей; неразумную храбрость он называл «беспутною дерзостью» и радовался при известии, что «люди целы», несмотря на поражение, как это было во время войны со шведами. Он гневался на тех бояр, которые своими оплошными действиями

губили ратных людей в битвах.

В своей домашней жизни Алексей Михайлович был образцом древнего благочестивого монарха. Никто строже его не соблюдал постов, не уделял так много времени молитве, как он; в этом отношении царь Алексей мог поспорить с любым монахом. Каждый день, не говоря о домашней молитве, царь присутствовал при церковном богослужении и выслушивал все службы, начиная с утрени и кончая вечерней. Великим постом и в большие праздники царь выстаивал в церкви по 5–6 часов и полагал по 1000 земных поклонов. Всегда умеренный в пище, царь доходил до подвижничества постом; тогда он по вторникам, четвергам и субботам ел по одному разу в день, причём пищей его становился простой ржаной хлеб, солёные огурцы, капуста или солёные грибы, а в остальные дни недели, кроме воскресенья, он не ел ничего.

Своим добродушием и благочестием Алексей Михайлович напоминал отчасти своего отца, Михаила Феодоровича. Но вместе с тем Алексей Михайлович имел в характере и черты своего великого сына — Петра. Он походил на него живым, весёлым, но в то же время весьма пылким характером. Алексей Михайлович любил, чтобы все вокруг него были веселы; любил шутки, развлечения. С особенным увлечением он занимался соколиной охотой и придумывал целый чин или устав для этой охоты. Но царя легко можно было разгневать неосторожным словом или поступком, и тогда он выходил из себя, причём не ограничивался одним сло-

весным внушением, но «по-отечески смирял» виновного, то есть расправлялся с ним собственноручно. Но гнев царя скоро остывал, и он первый делал шаг к примирению, посылал иногда подарки обиженному, чтобы тот не сердился.

Но у царя Алексея Михайловича не было того, чем в высшей степени отличался Пётр Великий: не было твёрдости, самостоятельности характера. Он легко подчинялся влиянию других людей и хотя считал себя, как большинство слабохарактерных людей, человеком независимым и строго оберегал неприкосновенность своего царского достоинства, на самом деле весьма часто незаметно для себя действовал по чужой воле. Это можно было уже видеть на примере Морозова. Как человек честный и добрый, он по самой природе своей тяготел больше к хорошим людям и окружал себя такими людьми, как патриарх Никон, боярин Матвеев, Ордин-Нащокин; но он давал много власти людям, которые не заслуживали этого, как, например, его тесть Милославский; бывали такие случаи, когда Алексей Михайлович круто расправлялся с ним; царь хорошо видел, что это за человек, но по слабости характера не мог наложить на него опалу. Правда, здесь, может быть, удерживало его родственное чувство: он не хотел огорчить своей любимой жены. Но были и другие примеры, когда царь давал много власти лицам, заведомо дурным; таковы были дьяки Плещеев и Траханиотов; царь слишком доверял служилому и приказному люду, который, пользуясь этим, допускал много злоупотреблений, притес-

нял народ и довёл его до открытого восстания.

Больше всего обнаружилась слабость Алексея Михайловича в деле патриарха Никона, знаменитого исправителя богослужебных книг, ко времени которого относят начало русского раскола. Алексей Михайлович очень ценил и уважал Никона за его благочестие, строгий образ жизни и за его образованность. Царь называл его своим «собинным» другом; он сочувствовал и поддерживал патриарха в его трудном деле исправления книг, которое подняло против него множество врагов, ревнителей «буквы древнего благочестия». Но и помимо этого у Никона было много врагов во дворце, которые ненавидели его за высокомерное обращение и за то, что патриарх обличал распущенную жизнь вельмож. Те пользовались всяким случаем, чтобы пожаловаться и наговорить царю на патриарха. А царь больше всего не выносил этих жалоб и недовольства окружающих лиц. Они расстраивали его, отравляли его обычное жизнерадостное настроение. Поэтому он постепенно начинает поддаваться этим наговорам и охладевает к патриарху, который считал ниже своего достоинства оправдываться и заискивать перед царём. Царь сознавал, что за патриархом нет никакой важной вины, но у него не хватило твёрдости для того, чтобы отстоять его против единодушного натиска врагов, и те побеждают: патриарх был лишён сана и сослан в монастырь.

Несмотря на это, царь был однако очень высокого мнения о своей власти и своём царском достоинстве. «Бог благосло-

вил, — говорил он, — и предал нам, государю, править и рассуждать люди своя на востоке и на западе, и на юге и на севере в правду». Действительно, самодержавие царя утверждается со времени Алексея Михайловича более, чем прежде. Отец его, Михаил Феодорович, был избран на русский престол боярской думой и земским собором из выборных представителей всей земли; во время своего царствования Михаил Феодорович часто собирал земскую думу во всех затруднительных случаях внутренних междоусобий и внешних войн. Между тем при Алексее Михайловиче земская дума собирается всё реже и реже. Голос бояр при совещаниях с царём меньше принимается в расчёт. Многие дела царь решает по своей воле, единолично, или по совету с одним или двумя из приближённых лиц. Для этой цели учреждается особый приказ «тайных дел», откуда посылались наказы, царские грамоты, о которых никто не знал кроме тех лиц, кому эти грамоты следовали. Но особенно Алексей Михайлович дорожил внешними знаками своего царского величия. Царь имел длинный и громкий титул, в котором перечислялись подвластные ему земли; по придворным правилам требовалось, чтобы этот титул произносился во всей точности; маленькая ошибка, перестановка двух слов в титуле могла повлечь за собой страшную опалу. Царский двор отличался при Алексее Михайловиче пышностью и блеском, так что вызывал удивление у иностранцев.

Большой торжественностью обставлялись приёмы ино-

странных послов, а также выходы и выезды к народу. Вот как описывают эти выезды: в зимнее время царь выезжал в «широких санях»; двое бояр стоят по обе стороны царя, двое стоят на запятках. Вокруг саней едет отряд стрельцов. Впереди метут путь и разгоняют народ. Встречающиеся москвичи, идут ли они пешком, едут ли на лошади, падают ниц перед царём.

Нам уже приходилось отмечать, что внешность, обряд имели очень важное значение в религиозной жизни русских людей; обрядовое понимание веры было причиной происхождения раскола в нашей церкви. Но нужно сказать, что русский человек был вообще очень привязан в XVII в., да, впрочем, и теперь тоже, к обряду и церемонии и отводил им много места и времени в своей домашней, семейной жизни. Все сколько-нибудь важные события в этой жизни, как, например, крестины, свадьба, похороны, сопровождались разными церемониями. Многие из которых сохранились до настоящего времени и хорошо знакомы всякому; чем важнее событие, чем больше семейный праздник, а также чем богаче и знатнее был дом, тем торжественнее совершались церемонии. В них выражалась любовь к порядку и красоте. Нагляднее всего выражалась эта склонность русских людей того времени в царском дворце, вся жизнь в котором проходила по известному чину и порядку, и строже всех других исполнял этот порядок сам царь. Посмотрим же, как проводил своё время Алексей Михайлович.

Вставал он очень рано: в четыре часа утра, и первым его делом было совершение утренней молитвы. Царь выходил в крестовую палату, которая служила молельней, и там, перед иконостасом, сплошь уставленным горящими свечами и лампадами, читал полунощницу. По окончании её царь прикладывался к иконам, а духовник царев окроплял его святою водою, которая свозилась от разных чудотворных икон. Затем царь шёл в покои к царице, спрашивал её о здоровье и о том, хорошо ли она почивала, и вместе с нею направлялся к утрене. В это время во дворце собирались придворные чины, которые в то время носили название бояр (высший чин), окольничих, думных дворян, стольников, стряпчих, детей боярских. Все они ждали выхода царя, чтобы «бить ему челом», или поздравить его с добрым утром и пожелать ему доброго здоровья. Утреня кончалась, растворялись двери из внутренних покоев в переднюю палату, и при выходе царя все падали на колени. Этот утренний приём занимал немало времени, потому что бояре не ограничивались одним земным поклоном: чем больше боярин кланялся, тем больше он выражал усердия царю; бывало, за особые милости от царя боярин кланялся ему в землю до 30 раз сряду.

В сопровождении свиты из бояр царь шёл к обедне в собор. Выходы эти совершались торжественно; особенным блеском и пышностью отличались царские выходы в праздники. Царь шёл в богатой одежде, украшенной золотом, серебром и драгоценными каменьями. На нём был царский

кафтан, порфира, корона, в руках царский золочёный жезл. Его окружали рынды — телохранители из сыновей знатных бояр, одетые в блестящие, белые, шитые серебром кафтаны и высокие, также белые, бархатные шапки, украшенные жемчугом. Бояре шли в богатых разноцветных кафтанах. В заключение шёл отряд дворцовой гвардии — стрельцов. Кремль оглашался праздничным звоном колоколов всех кремлёвских церквей и соборов. Толпы народа собирались в кремль посмотреть на красивую церемонию и стояли стеной по обе стороны царского шествия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.